

С. Л. ЖИДКОВА

«ЛЮБИМЕЦ БЕРЛИНА И ГЕРМАНИИ»

В статье рассматриваются запечатленные как в мемуарах, так и в художественных образах свидетельства русских слушателей о характерных особенностях личности и лекционной деятельности профессора Берлинского университета Э. Ганса о роли. Автор проводит параллели между публичными лекциями Ганса и Т.Н. Грановского.

Ключевые слова: Т.Н. Грановский, И.С. Тургенев, Берлинский университет.

И.С. Тургенев не зря повесил в своём кабинете в Спасском Диплом-удостоверение гражданина Берлинского университета – выпускнику его было чем гордиться, вспоминая свою *Alma mater*. Знаменитый Александр Гумбольдт, памятник которому возвышается теперь у входа в Берлинский университет, говорил: «Наш университет <...>, конечно, один из первых в Европе. Он богат отличными преподавателями»¹. В 1876 г. в «Автобиографии» Тургенев так напишет о годах своего берлинского студенчества: «В то время Берлинский университет мог похвалиться именами Бёка, Цумпта, Ранке, Риттера, Ганса и мн. других»². И не один Тургенев впоследствии вспоминал берлинских профессоров с благодарностью. Между тем до сих пор не существует сколько-нибудь полной работы, посвящённой замечательным представителям германской науки, преподававшим в Берлинском университете на рубеже 1830–1840-х гг., когда из его стен вышли выдающиеся деятели науки, культуры, политики.

В упомянутой беседе А. Гумбольдта с Н.А. Мельгуновым учёный с особой похвалой упоминает Ганса, назвав его самым красноречивым из преподавателей университета. И Тургенев через тридцать с лишним лет вторит ему в письме к Н.В. Ханькову, вспоминая о Гансе как о «самом красноречивом преподавателе в ту эпоху Берлинского университета»³. Как тут не вспомнить «музыку красноречия» Рудина, которую, надо думать, тургеневский герой усвоил в Германии.

Профессор права и истории Эдуард Ганс, автор ряда сочинений, из которых наиболее известным является «Наследственное право в историческом его развитии», родился в Берлине 22 марта 1798 г. в купеческой семье. Начальное образование получил в одной из берлинских гимназий, затем учился в Берлинском, Гёттингенском, Гейдельбергском

¹ Мельгунов. 1839. С. 84.

² Тургенев. Полн. собр. соч. и писем. Т. 11. 1983. С. 204.

³ Тургенев. Полн. собр. соч. и писем. Письма. Т. 11. 1999. С. 183.

университетах. В 1820 г. Ганс получил звание доктора прав и переселился в Берлин, где началась его преподавательская деятельность.

Некоторые штрихи к его портрету мы можем почерпнуть из нехронологической статьи, написанной ещё одним русским учеником Ганса Я.М. Неверовым. Неверов видит в Гансе не только учёного, проповедника науки, но и обаятельную личность, умевшую выразить общественное мнение Германии. Учителем Ганса был Гегель. Прочно усвоив его историческую методологию, Ганс со всей страстью принялся пропагандировать её, прилагая диалектику Гегеля ко всем областям науки и общественной жизни. Наука, как её понял Ганс, была чем-то близким и неотразимо притягательным для его слушателей. Он не уставал говорить о ней на лекциях, в кругу коллег и в светских гостиных. Наука представлялась ему неким дивным храмом, лучезарным святилищем, куда устремляется сознание человека. Будучи живым и эксцентричным по натуре, он желал распространить своё влияние не на одних студентов, но и в свете. «При образованности обширной, всеобъемлющей, беседа его была умна и занимательна; о чём ни говорил он с кафедры и в обществе – всегда, постоянно он этою говорливостью стремился к одной важной цели – внушению любви ко всякому полезному знанию, любви к науке, искусству, к вопросам общественным, ко всему, что составляет в человеке жизнь разумную и деятельную <...>»⁴.

В романе «Рудин» слышится явная переключка речи героя с характеристикой проповедей Ганса в обрисовке Неверова: «Широкими и смелыми чертами набросал он громадную картину. Все слушали его с глубоким вниманием. Он говорил мастерски, увлекательно <...>. Образы сменялись образами; сравнения, то неожиданно смелые, то поразительно верные, возникали за сравнениями. Иной слушатель, пожалуй, и не понимал в точности, о чём шла речь, но грудь его высоко поднималась, какие-то завесы разверзались перед его глазами, что-то лучезарное загоралось впереди»⁵. Оба они, и Рудин, и Ганс отличаются одной чертой – полным отсутствием схоластики, мертвящего наукообразия, напротив, они оба устремлены к действительной жизни. Судя по всему, модель поведения Ганса усваивают его ученики из России. Об этом свидетельствовал А.И. Герцен в своих мемуарах «Былое и думы»: «Грановский был не один, а в числе нескольких молодых профессоров, возвратившихся из Германии <...>. Они сильно двинули вперёд Московский университет, история их не забудет. Люди добросовестной учёности, учени-

⁴ Неверов. 1839. С. 41.

⁵ Тургенев. Полн. собр. соч. и писем. Т. 5. 1980. С. 229.

ки Гегеля, Ганса, Риттера и др., они слушали их именно в то время, когда остов диалектики стал обрастать мясом, когда наука перестала считать себя противоположною жизни, когда Ганс приходил на лекцию не с древним фолиантом в руке, а с последним номером парижского или лондонского журнала. Диалектическим настроением пробовали тогда решить исторические вопросы в современности, это было невозможно, но привело факты к более светлому сознанию»⁶.

Очевидно, и Грановский, и Тургенев слушали имевшие огромный успех публичные лекции Ганса на тему «Новейшая история от времени заключения Вестфальского мира». Будучи представителем философского направления в юриспруденции и истории, Ганс излагал не столько исторические события, сколько философский взгляд на них. Один из его слушателей вспоминал: «Когда он говорил о значении нашей эпохи, о Мирабо, о Наполеоне, он становился поэтом-философом; глаза его блистали, вся наружность принимала вид вдохновения, и речь лилась в дивных образах. Стечение слушателей всех классов, званий и возрастов было таково, что в аудитории, где было более 350 нумерованных мест, слушатели задыхались от тесноты, потому что не только были заняты все лавки, но даже пространство, оставленное для прохода, и площадка, окружающая кафедру, наполнены были стоящими посетителями»⁷.

Известно несколько портретов учёного, один из них представлен ниже. Существует также словесный портрет Ганса, оставленный его учеником: «<...> человек средних лет, довольно полный, с чёрными, как смоль, кудрявыми волосами, с чёрными, живыми, необыкновенно выразительными и пронизательными глазами, с румянцем на щеках. <...> В 6 часов вечера или в 12 утра он, бывало, медленно идёт из университета по липовой аллее, окружённый толпой студентов, распрашивающих его о том, что преимущественно их заняло на его лекциях; вечером вы встретите его в театре, если играет Зейдельман (лучший актёр берлинского театра) или даётся какая-нибудь новая пьеса; не то, загляните в какой-нибудь из тех кругов столицы, в коих собирается образованнейшее общество – там найдёте его сидящим на диване, окружённо толпой слушателей обоюга пола (дамы очень любили его беседу)»⁸.

Надо думать, что вошедшие в обиход Московского университета публичные лекции, собиравшие не только студентов, но и светскую публику, имели примером публичные лекции Ганса в Берлинском уни-

⁶ Герцен. Былое и думы. Ч. IV. 1967. С. 98.

⁷ Неверов. 1839. С. 47.

⁸ Там же. С. 48–49.

верситете. Судя по письмам матери Тургенева, В.П. Тургеневой, она посещала некоторые из таких, ставших вдруг модными, собраний.

Как известно, огромным успехом пользовались в Москве в 1840-е годы публичные лекции Т.Н. Грановского. Ничего подобного русское образованное общество ещё не видело. Герцен вспоминал: «Заклучение первого курса было для него настоящей овацией, вещью неслыханной в Московском университете. Когда он, оканчивая, глубоко тронутый, благодарил публику, – всё вскочило в каком-то опьянении, дамы махали ему платками, другие бросились к кафедре, жали ему руки, требовали его портрета. Я сам видел молодых людей с раскрасневшимися щеками, кричавшими сквозь слёзы: “Браво! Браво!”»⁹. Герцен же привёл высказывание Чаадаева об «историческом значении» лекций Грановского.

Не однажды выступал на публичных чтениях и Тургенев. Достаточно вспомнить его лекции о Пушкине; 10/22 января 1860 года в Петербурге, а 25 января/6 февраля в Москве Тургенев выступил с речью «Гамлет и Дон-Кихот» и всюду был принят с энтузиазмом.

Проповедь «учеников» Ганса имела успех не только в столицах, но и в провинции. Об этом можно судить по эпизодам романа Тургенева «Рудин», герой которого, действуя на манер Ганса, произносит свои вдохновенные речи то в дворянской гостиной, то в гимназической аудитории и всюду оказывает одинаково сильное воздействие на своих слушателей, особенно молодых: «Но больше всех были поражены Басистов и Наталья. У Басистова чуть дыхание не захватило; он сидел всё время с раскрытым ртом и выпученными глазами – и слушал, слушал, как отроду не слушал никого, а у Натальи лицо покрылось алой краской, и взор её, неподвижно устремлённый на Рудина, и потемнел, и заблестал». Это гостиная Ласунской, а вот гимназия, где герой получил место преподавателя российской словесности: «Как теперь вижу лица моих слушателей, – лица добрые, молодые, с выражением чистосердечного внимания, участия, даже изумления»¹⁰.

В некрологической статье на смерть Ганса Неверов описывает грандиозные похороны профессора, состоявшиеся 6 или 7 мая 1839 г., на которых присутствовал и Тургенев: «<...> в день погребения университет явился к усопшему массой, со всеми преподавателями и учащимися. Всё, что только есть замечательного в Берлине в литературном, учёном и художническом отношении <...> всё явилось отдать последнюю честь покойному. В 8 часов утра двинулся печальный поезд,

⁹ Герцен. Былое и думы. Ч. IV. 1967. С. 94.

¹⁰ Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 5. 1980. С. 225, 317.

предшествуемый хором музыки и певчих – отличие небывалое в протестантской столице, где воспрещена всякая уличная процессия, но на этот раз полиция сделала уступку общему желанию; за музыкой печальная колесница; за ней гроб, несомый избранными студентами, а за гробом до тысячи человек приглашённых и неприглашённых. <...> На кладбище могли войти только приглашённые и студенты. После умиленного хора “Христос моё прибежище” <...> старшина богословского факультета профессор-пастор Маргейнеке, личный друг усопшего, произнёс над гробом сильное и трогательное слово, в котором прекрасно охарактеризовал покойного; затем отпускная молитва “Dies irae”, исполненная хором студентов – слёзы родных и знакомых – глухой гул падавшей на крышку гроба земли – и всё кончилось. Толпа разошлась, кладбище опустело, и свежая могила стала рядом с пирамидой, на коей видно имя Фихте; ещё два шага – и вот другая могила с гранитной плитой, а на ней другое имя – Гегель... Какие имена!»¹¹.

Невольно возникает параллель с другим печальным событием – похоронами Грановского в октябре 1855 года, которые стали, по словам Тургенева, чем-то «умилительным и глубоко знаменательным». Прежде всего бросалось в глаза большое число молодых лиц. Студенты несли гроб своего учителя до могилы и после того, как последняя горсть земли упала на его прах, медлили расходиться, не желая расстаться с кем-то очень важным для себя и бесконечно дорогим. Тургенев в статье «Два слова о Грановском» подчёркивает значение в общественной жизни России таких деятелей, каким являлся Грановский. Писатель сравнивает его с родником близ дороги, к «которому всякий подходил свободно и черпал живительную влагу»¹².

Думается, мы не ошибёмся, если тот же образ применим к учителю Грановского и Тургенева – Гансу, который в своё время сумел стать для них таким же живительным источником.

БИБЛИОГРАФИЯ

Герцен А.И. Былое и думы. Ч. IV. М., 1967.

Мельгунов Н.А. Барон Ал. Гумбольдт // Отечественные записки. 1839. № 10.

Неверов Я.М. Отечественные записки, 1839, № 6. С. 39-51.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 11. М.: Наука, 1983.

Тургенев И.С. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Письма. Т. 11. М.: Наука, 1999.

Жидкова Светлана Леонидовна, старший научный сотрудник Литературного музея И.С. Тургенева, г. Орёл; e_shinkova@mail.ru

¹¹ Неверов. 1839. С. 50-51.

¹² Тургенев. Полн. собр. соч. и писем в 30 т. Т. 5. 1980. С. 325–328.